

Глава 1

Ньюарк остался позади, и карета, запряженная четверкой лошадей, покатила по ничем не примечательной равнине. Мисс Тавернер, отведя взгляд от однообразного ландшафта, обратилась к своему спутнику, светловолосому юноше, небрежно разлегшемуся на сиденье в углу кареты и уткнувшемуся сонным взглядом в спину форейтора, сидевшего впереди.

— Как это невыразимо скучно — сидеть столько часов без движения! — заметила она. — Когда мы будем в Грантоне¹, Перри?

Ее брат зевнул в ответ.

— Проклятие, откуда мне знать? Это ведь тебе приспичило поехать в Лондон.

Мисс Тавернер никак не отреагировала на его реплику и, взяв в руки лежавший на сиденье рядом с ней «Справочник путешественника»², принялась перелистывать страницы. Молодой сэр Перегрин, зевнув еще разок, заметил, что новая пара коренников, которых им предложили в Ньюарке, — крепкие, выносливые лошадки, выгодно отличавшиеся от прежних, страдавших одышкой.

Мисс Тавернер, уже увлеченная изучением своего «Справочника», согласилась с братом, не отрывая глаз от страницы, напечатанной убогим шрифтом.

---

¹ Грантон (*англ. Grantham*) — город в графстве Линкольншир в Великобритании, административный центр района Южный Кестевен. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² То, что мы теперь иногда называем «Путеводителем».

Она была славной молодой женщиной, чуть выше среднего роста, за последние четыре года привыкшей к тому, что ее называют исключительно привлекательной. Собственная красота, правда, не вызывала у нее особого восхищения, поскольку, по ее мнению, относилась к тому типу, который она была склонна презирать. Будь на то ее воля, мисс Тавернер предпочла бы иметь черные волосы; золотистый же цвет собственных локонов представлялся ей скучным и обыденным. К счастью, брови и ресницы у нее были темными, а взгляд ярко-синих глаз (совсем как у фарфоровой куклы, как она однажды презрительно сказала брату) отличался прямоотой и выразительностью, что придавало изрядную решительность ее лицу. Невнимательному наблюдателю она могла показаться одной из многочисленных пустоголовых красоток, но уже при повторном взгляде на нее он бы обязательно подметил несомненный ум в ее глазах и упрямую складку в уголках губ.

Она была аккуратно, хотя и не в соответствии с последней модой, одета в простое закрытое платье из французского батиста, отороченное кружевами у горла. На плечи была накинута мантилья из тафты. Дамская плетеная шляпка с бархатной лентой в полоску очаровательно обрамляла ее личико, а на руках красовались светло-коричневые йоркские перчатки¹, туго застегнутые на пуговички у тонких запястий.

Перегрин, возобновивший сонное созерцание спины форейтора, очень походил на нее. Хотя волосы его можно было назвать, скорее, каштановыми, а глаза не отличались столь пронзительной синевою, в нем безошибочно угадывался ее брат. Он был на год младше мисс Тавернер и, вследствие то ли привычки, то ли беззаботности, неизменно позволял ей поступать так, как она полагала нужным.

— От Ньюарка до Грантема четырнадцать миль, — заявила мисс Тавернер, наконец-то оторвав взгляд от своего «Справочника». — Я и представить себе не могла, что это так

---

¹ Йоркские перчатки — дамские перчатки из светло-коричневой кожи, сшитой гладкой стороной внутрь, с завязками выше локтя (здесь еще и с пуговичками на запястьях).

далеко. — И она вновь склонилась над книгой. — Здесь написано — имею в виду «Путеводитель развлечений» Кирсли, который ты купил мне в Скарборо, — это «... аккуратный и густонаселенный городок на реке Уитем. Считается, что в старину он был римским военным лагерем, судя по развалинам замка, обнаруженным в ходе раскопок». Пожалуй, Перри, я бы не отказалась взглянуть на него внимательнее, конечно, если у нас будет время.

— О боже, для меня все развалины выглядят одинаково! — возразил сэр Перегрин, глубоко засовывая руки в карманы своих молескиновых штанов. — Вот что я тебе скажу, Джудит: если ты намерена глазеть на все замки, которые попадутся нам по пути, то до Лондона мы доберемся не раньше, чем через неделю. Я предлагаю ехать вперед без остановки.

— Очень хорошо, — сдалась мисс Тавернер, захлопывая «Справочник путешественника» и кладя его на сиденье рядом с собой. — В таком случае мы закажем ранний завтрак в «Георге», а ты скажешь им, в котором часу, по твоему разумению, должны быть заложены лошади.

— Я полагал, мы остановимся в «Ангеле», — протянул сэр Перегрин.

— Нет, — решительно ответила его сестра. — Ты забыл, сколь неліцеприятно отзывались Минсмены об удобствах, предложенных им в этой, с позволения сказать, гостинице. Мы остановимся в «Георге», и я уже написала им, чтобы они подготовили комнаты к нашему приезду, поскольку миссис Минсмен поведала мне о том ужасе, в который пришла, когда ей предложили подняться на целых два этажа в жалкую комнатку задней части дома.

Сэр Перегрин, повернувшись в сторону сестры, весело улыбнулся во весь рот.

— Не думаю, что им удастся отделаться от тебя, подсунув комнатку в задней части, Джу.

— Ни в коем случае, — отрезала мисс Тавернер, но смешинки в глазах странным образом противоречили суровости ее тона.

— Да уж, несколько не сомневаюсь в этом, — задумчиво протянул Перегрин. — Но вот чего я жду с нетерпением, любовь

моя, так это собственными глазами увидеть, как ты справишься со стариком.

По лицу мисс Тавернер промелькнула тень некоторой неуверенности.

— Я ведь нашла общий язык с папой, Перри, не так ли? Ах, только бы лорд Уорт не страдал подагрой! По-моему, папа становился невыносимым, лишь когда у него случался очередной приступ.

— Все старики без исключения страдают подагрой, — сообщил ей Перегрин.

Мисс Тавернер вздохнула, признавая справедливость этого утверждения.

— Полагаю, — добавил Перегрин, — он просто не хочет, чтобы мы приезжали в город. Кстати, на сей счет он выразился совершенно недвусмысленно — разве нет?

Мисс Тавернер, развязав завязки своего ридикюля, порылась в нем, извлекла на свет божий тоненькую пачку писем и развернула одно из них.

— «... Лорд Уорт свидетельствует свое почтение сэру Перегрину и мисс Тавернер и полагает, что с их стороны было бы неразумно обречь себя на тяготы поездки в Лондон в эту пору года. Его светлость почтет за честь нанести им визит в Йоркшире, когда ему случится в следующий раз побывать на Севере». Это, — заключила мисс Тавернер, — было написано три месяца назад — можешь сам взглянуть на дату, Перри: 29 июня 1811 года, — и даже не его собственной рукой. Я уверена, писал его секретарь или один из этих ужасных стряпчих. Готова держать пари, лорд Уорт начисто позабыл о нашем существовании, поскольку все договоренности о деньгах, которые мы должны получить, устраивали именно стряпчие, и, как только возникает какой-либо вопрос, к нам обращаются именно они. Таким образом, если он не желает, чтобы мы приезжали в Лондон, то сам виноват в том, что не сделал ни малейшей попытки повидаться с нами или дать нам знать, как мы должны поступить. Полагаю, он проявил себя никудышным опекуном. Какая жалость, что отец не назначил на эту должность кого-либо из наших друзей в Йоркшире, кого-нибудь, с кем мы, по крайней

мере, знакомы. Очень неприятно оказаться под опекой совершенно чужого человека.

— Что ж, лорд Уорт не желает брать на себя труд распоряжаться нашими жизнями, и тем лучше, — заявил Перегрин. — Ты намерена блеснуть в обществе, да и я, сдастся мне, найду массу развлечений по своему вкусу, если сварливый старикан не будет путаться у нас под ногами.

— Пожалуй, — с некоторым сомнением протянула мисс Тавернер. — Но хотя бы из чистой вежливости мы обязаны испросить у него разрешения на то, чтобы поселиться в Лондоне. От всей души надеюсь — он не настроен против нас и не сочтет это грубостью с нашей стороны; не исключено, лорд Уорт предпочел бы, чтобы опекуном был назначен мой дядя, а не он сам. Должно быть, это показалось ему чрезвычайно странным. Мы с тобой оказались в щекотливом положении, Перри.

В ответ прозвучало лишь сдавленное фырканье, и мисс Тавернер, решив больше не распространяться на эту тему, откинулась в угол сиденья и принялась в очередной раз перечитывать скудную переписку с лордом Уортом.

Дело и впрямь было щекотливым. Его светлость, возраст которого, по ее расчетам, приближался уже к пятидесяти пяти или даже пятидесяти шести годам, демонстрировал явное нерасположение заниматься делами своих подопечных, и хотя, с одной стороны, это было хорошо, с другой — не очень. Ни она сама, ни Перегрин еще никогда не выезжали из дому дальше Скарборо. Они совершенно не знали Лондона и не имели там знакомых, которые могли бы стать для них наставниками. Единственными знакомыми людьми во всем городе были их дядя и кузина, которая вела вполне респектабельный, но отнюдь не светский образ жизни в Кенсингтоне. Именно на эту леди и вынуждена была полагаться мисс Тавернер в том, что она представит ее обществу, поскольку дядя, отставной адмирал флота, состоял с их отцом в отношениях сильного взаимного недоверия и неприязни, что совершенно недвусмысленно исключало возможность свести с ним знакомство либо обратиться к нему за помощью.